

И. Липри

Хозяйка СЕВЕРНЫХ ПОКОЕВ

И Лири Хозяйка Северных Покоев.

<https://litres.ru/74265833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прекрасная усадьба в древней Японии - это не место для наслаждений и любования природой. Это место, где у женщин гарема посчитаны даже рисинки в чашке. Где за каждым вздохом, взмахом веера и цветом одежд скрыто тайное послание. Где неверно подобранные строки из поэмы или веточка на конверте могут отправить тебя в преисподнюю позора и одиночества. Это место, где женщина живёт только для одного - не позволить господину забыть о ней.

И здесь уж у каждой в ход идут свои приёмы. У кого в этой битве больше преимуществ: у скованной Правилами Дома главной жены - Хозяйки Северных Покоев - или у праздных красавиц-наложниц?

И Лири

Хозяйка Северных Покоев.

Глава 1. Мрачный дождь.

Саконэ проснулась тихо, почти незаметно: словно и не спала. Почти ничего не изменилось. Изменился только звук чёрной тоски: во сне она беззвучно кричала, а здесь по крыше барабанил дождь.

Саконэ подтянула замерзшую ногу, выбившуюся из-под платья. «Четвертый день, – подсчитала она в голове тусклые дождливые дни. – Двадцатый день без хозяина усадьбы. Где же он пропадает? Специально исчез, чтобы не встречать в женские интриги?

Саконэ поёжилась от всепроникающей сырости и воспоминаний о пережитом унижении, устроенном родственниками мужа и второй наложницей Яко для неё – Главной жены. Якобы для её «перерождения из камня в женщину». Никто из них не постеснялся помянуть вслух Умадзумэ – каменную женщину-демона, неспособную родить живого человека. Теперь об этом заговорит весь город. И начало этого чёрного слуха проложено в её собственном доме.

Саконэ судорожно вздохнула, сдерживая стон. Ну подожди, наглая наложница!

Нужно будет напомнить управляющему удержать из содержания этой наглой наложницы цену приглашенного ею гадателя. А ещё – потребовать немедленно вернуть прошлогодний долг. С процентами. Саконэ вспомнила страницу долговой книги с её именем: шелк, рис и мелочи, вроде бумаги, туши и кистей. И это, не считая содержания ее дочери. Обязательно нужно потребовать вернуть весь долг – пусть поголодает пару месяцев. Голодный рот ерунду не мелет.

Саконэ вздохнула: открывай-не открывай глаза, хочешь жить или нет, а от мыслей о насущных делах ей, Главной Госпоже, покуда жива, никуда не спрятаться. Она высунула руку из тепла и оценила температуру. Тут же засунула её обратно и подтянула на себя верхнее платье-уваги на теплой подкладке, которым укрывалась вместо покрывала. Давно уже прошло время убрать его поглубже в сундук и заменить на легкое покрывало, но она никак не могла расстаться с платьем – подарком её господина, её мужа Тиуру.

Двадцать дней. Его не было дома уже двадцать дней, произвела она нехитрый подсчет и зажмурилась. Словно закрытые глаза могли спасти от мысли, что муж её разлюбил. Да разве можно любить Умадзумэ? А теперь, после второго выкидыша и этого проклятого обряда изгнания её злого духа, так будет думать и весь город.

Если с излишне ретивой наложницей она найдёт способ поквитаться, то как быть с роднёй мужа?

– Госпожа, – слышался из-за ширмы напряженный зов

служанки О. – Вам пора вставать. Скоро принесут одежду и украшения. Вода остывает...

Служанка говорила тихо, опасаясь, что другие слуги узнают о душевном состоянии Главной госпожи и разнесут неудобные сплетни по всему поместью. А там и до соседних дворов недолго.

– Зачем мне так рано вставать? Господина же нет в поместье.

Услышав голос хозяйки, служанка тут же раздвинула перегородки-сёдзи и быстренько приблизилась.

– Зато управляющий Лю бодрее бодрого, моя госпожа! Он-то уж не преминет рассказать господину о вашем поведении. И уж будьте уверены: раскрасит так, что выйдет, что женщины ленивее и безответственнее вас на всем свете не сыщется. И зачем вы отрядили ему тогда десять плетей? За какую-то мятую плоску теперь такого врага нажили...

Саконэ хотела было возразить, что серебряное блюдо времён прошлой династии из свадебного подарка сестры мужа – совсем не «мятая плоска», но лишь молча поджала губы. Понимает ли служанка, что дело вовсе не в мстительном управляющем, а в охлаждении мужа. Теперь мужу и чирика-нья воробья за изгородью будет довольно для раздражения на неё и весь её двор.

– Виновен ли заяц,
что белую шубу покорно снимает,

Пред первой улыбкой весеннего солнца?
Одежды его теперь уж не так восхитительны...

Саконэ процитировала эти строки не ожидая, что кто-нибудь их услышит, но из-за перегородки послышался голос третьей младшей наложницы Тзию:

– Солнечный луч не лучшее ли одеяние
Для замерзшей души?

Саконэ бросила вопросительный взгляд на служанку: «И давно она там?», но та лишь пожала плечами. Удивлённой она не выглядела.

– Я слышала вчера, что нашей госпоже немного нездоровится. Позволит ли мне Главная госпожа услужить и помочь принять лечебную ванну?

Саконэ вздохнула. Принимать ванны она вовсе не собиралась, но теперь деваться некуда. День не задался с самого утра.

– Входи, – скрывая раздражение, выдохнула она и села, поправляя волосы и одежды.

Тзию не заставила себя ждать. Отодвинув скользящую дверку, она, не вставая на ноги, неуклюже переползла через порог.

Быстро оценив обстановку, молодая женщина взяла с подноса гребень и осторожно коснулась им волос Саконэ.

– Позвольте мне. Я передала вашей служанке часть трав для лечебной ванны от душевной мрачности. На днях мне прислала их матушка. Прошу вас, не отвергайте мою преданность и примите их.

Саконэ вспомнила корзинку дорогих грибов мацутанэ, поднесённых наложницей две луны назад, и у неё в горле защекотало раздражение.

– Мне стыдно. Я еще не отблагодарила её за прежний подарок, а она уже шлёт новый...

Наложница Тзию, почуяв это, дёрнулась, чтобы поклониться и нечаянно дернула волосы. Саконэ поморщилась и схватилась за голову.

– Простите! Простите меня, госпожа!

Тзию испуганно прижала к рукам Саконэ свои ладони – боль сразу утихла. Она убрала руки и наложница, поняв, что ей ничего не грозит, вернулась к расчесыванию.

– Как можно вам вспоминать такие мелочи! Разве это не та малость, о которой и говорить не стоит! Я только жалею, что ничем не могу быть вам полезной. Господин никак не выделяет меня... И даже наоборот... Хотя... Похоже, дворам госпожи Яко-хин и Тиу-бунин приходится много волноваться в последнее время: в прошлом месяце господин трижды заходил на двор госпожи Яко-хин, и дважды навещал двор госпожи Тиу-бунин.

Сердце Саконэ болезненно сжалось. Да уж, наложницы могут себе позволить следить за таким и даже вести такой

счёт, не то, что она – хозяйка усадьбы. Ей положено вести совсем другие счета: содержания всех наложниц, их дворов и расчётов по долгам мужа.

– И когда он только успевает заниматься делами... – не подав вида, пробубнила она себе под нос. Но, впрочем, чтобы Тзию услышала.

– А у Яко-хин новое роскошное платье... Ой! – наложница прижала ладонь к губам. – Простите, госпожа. Ведь вы наверняка об этом знаете, – она легонько шлёпнула себя по губам. – Это всё моя жадность. Боги дали мне сына, а я завижусь какому-то платью.

Саконэ поморщилась от вернувшейся головной боли – только ядовитых колкостей и новых расходов ей не хватало! Да уж, не стоило служанке впускать эту неблагодарную наложницу. В каждом её слове сочились злость и обида, а этого добра ей и своего хватало.

– Ты очень кстати вспомнила малыша Тэни, – перевела она разговор в более приятное русло. – Как наш Старший Сын? Хотя, чего я волнуюсь, дети же... они такие добрые и забывчивые. Наверняка уже и забыл о... о том наказании...

Глаза Тзию мгновенно наполнились слезами.

– Спасибо, госпожа, что заступились за моего сына. Хоть мужчине и полагается быть мужественным, он ещё слишком мал, чтобы понимать добрые намерения своего отца. Даже госпожа Яко прислала мазь... – женщина всхлипнула.

Саконэ поморщилась от воспоминаний о наказании пяти-

летнего ребёнка, единственного, пока, наследника её мужа. О его надрывном плаче и опухших от удара прутом руках и ногах. Но ответила так, как обязывали Правила дома:

– Мы не можем подвергать сомнению мудрость и отцовскую заботу нашего мужа.

– Я никогда не осмелюсь на такое, – женщина ухватила за руку Саконэ и уткнулась лицом в циновку. – Я только смею надеяться на материнское участие нашей Главной Госпожи, – донеслось до Саконэ её глухое рыдание.

Саконэ, всплеснув воду в широкой и неглубокой бочке-фураго, досадливо одернула рукав тонкого нижнего платья, за который ухватила Тзию. Похоже, разговор пошёл в бессмысленном русле.

– Думаю, тебе стоит попросить об этом Яко-хин. Похоже, она лучше всех заботится о нашем малыше Тэни.

Неожиданно для Саконэ женщина разрыдалась так громко, что Саконэ забеспокоилась: что подумают слуги, услышав вопли наложницы из комнат Главной жены?

– Госпожа! Не допустите, госпожа, чтобы моего Тэни забрали. Он – единственная моя радость и успокоение! Я согласна на все! Я сделаю все, что бы вы ни попросили, госпожа Саконэ... Только не позволяйте его отдать другой наложнице.

Саконэ смотрела на почти обезумевшую от страха молодую женщину и не понимала, что такого произошло за последние двадцать дней, что могло заставить её думать о том,

что у неё заберут сына. Ей очень хотелось спросить её напрямую, но гордость не позволяла признаться, что она, Хозяйка Северных покоев, не в курсе того, что происходит в поместье за закрытыми дверями его спален. Какая же она, тогда, хозяйка?

– Успокойся, Тзию, – скомандовала она, почти вырывая свою руку из вцепившихся в неё рук наложницы.

Служанка О оттащила рыдающую женщину и удержала её за плечи от попытки снова подползти к Саконэ.

Саконэ махнула комнатной рабыне, и та тут же подбежала к ней с полотенцем.

– Сейчас мне некогда, Тзию-хин. Но я обязательно вернусь к этому разговору чуть позже. Ступай к себе и займись нашим Тэни. Он, наверняка, уже начал беспокоиться.

Наложница сразу встала и, ничего не говоря, покинула покои. Снаружи слышались удаляющиеся звуки шуршания одежд и двухтактного шарканья. Саконэ явственно представила, как молодая, нет еще и двадцати лет, наложница, идет по галерее загибая левой ногой и придерживая плохо работающую левую руку. Как ни старалась, Тзию не смогла ни побороть, ни скрыть хромоту и бессилие в левой стороне тела – результат трудных родов пять лет назад. Хоть Саконэ и выходила их тогда, наложница осталась почти что калекой, а малыш Тэни рос щуплым и хворым. Да ещё его отец... Саконэ не понимала, чего именно добивается её муж, буквально истязая малыша упражнениями и испытаниями: закалить

или побыстрее прикончить.

– Моя госпожа, – осторожно заговорила служанка О, когда неровные шаги Тзию стихли. – Наложница Тзию так себя извела, что её служанка передала через меня просьбу: не помолитесь ли вы за неё милостивому Будде и не воскурите ли благовония для Ками Благополучия в храме Камо, когда в следующий раз соберётесь туда?

Саконэ, не открывая глаз, вздохнула: есть ли хоть кто-то, кто молится о ней самой? Она хотела спросить служанку, какой подарок она получила за свои труды переговорщика, но решила не лезть в это. Тзию не из такой уж богатой семьи, чтобы создать проблемы подарком слуге. Сейчас её беспокоил совсем другой вопрос.

– Ты ведь знаешь, откуда у этой вертлявой Яко новое платье, не так ли?

Служанка словно только этого и ждала. Она быстро подползла к её циновке, отобрала у рабыни полотенце, кивком отправив её в дальний угол комнаты, и немного громче обычного вздохнула.

– Ах. Откуда же я могу такое знать? Все молчат, как воды в рот набрали. А к служанкам госпожи Яко разве подступишься? Такие заносчивые и важные стали. Не удивлюсь, если в одно утро они сами появятся в новых шёлковых платьях, – проворчала она обиженным тоном, совершенно не волнуясь о том, что их могут услышать.

Саконэ не обратила на это представление никакого вни-

мания – обычные склоки служанок разных дворов.

– Ну так и откуда?

Служанка О подалась вперёд и зашептала:

– Сама я этого не видела, но слышала разговоры около курятника. Рабыни первой наложницы Тиу обсуждали, как в девятый день управляющий принял на воротах, а потом передал госпоже Яко-хин большой сверток. После этого через два дня она надела новое платье. Оно и впрямь роскошно, скажу вам я...

– Да-а?

Почувяв тон хозяйки, служанка быстро добавила:

– Вот только ни разумным, ни подходящим вы бы её выбор не назвали, моя госпожа. Даже мне, простой служанке, это очевидно...

– О...

Не дожидаясь расспросов, служанка пояснила:

– Уж и зима, и ранняя весна прошли, а она вырядилась в платье сливовой расцветки...

– Сливовой? Сливовой, не фиолетовый? – насторожилась Саконэ. Этой кокетке хватит и наглости, и дурости и на сам фиолетовый цвет высоких рангов замахнуться. Тогда проблем не оберёшься.

Служанка сосредоточенно задумалась и скосила глаза. Она всегда так делала, если сильно напрягала память. При её, и без того заметном косоглазии, это выглядело забавно.

– Да кто ж его знает! – сдалась служанка и принялась осто-

рожно натирать руки Саконэ апельсиновым маслом. – То ли сливовое, а то ли фиолетовое... Вы бы его лучше сами рассмотрели и решили бы...

Легко сказать: «сами». Меньше всего ей сейчас хотелось встречаться с женщинами мужа. Ей стоило большого труда убедить служанку О объявить об очередном своем нездоровье и отменить ежедневные встречи с наложницами и их детьми. По ответной реакции те тоже не горели желанием тратить силы и время на обмен колкостями с Главной женой. По неписаному этикетному правилу вслед за объявлением они прислали на её двор мелкие подарки и записки с пожеланиями скорейшего выздоровления и забыли о её существовании. Зачем встречи с Главной женой, если общего мужа всё равно нет в усадьбе. С начала её затвора прошло уже дней десять и тянуть его и дальше было уже опасно: не избежать слухов и разговоров о «самоотречении Главной Госпожи дома».

Саконэ полной грудью вдохнула апельсиновый аромат и слова поэмы сами слетели с губ:

– Напомнит ли аромат апельсина тебе о радости.
Или запах кипариса воззовет к долгу.

Это были строки из старого отцовского сборника поэзии.

– Запах кипариса взывает к долгу... – повторила она себе последнюю строку. Служанка О права – она слишком долго

хандрила и цеплялась за старое платье. Пора браться за дела.

Первым делом она распорядилась подать ей подходящие сезону наряды. Они были аккуратно сложены ею в День Любования Весной в деревянный сундук, обитый красным шелком, в надежде достать их, уже став матерью. А оно вон как всё вышло... Пересмотрев несколько платьев, она выбрала три кимоно поверх нижнего белого: бледно зеленый, поверх него светло красный и, наконец, любимое – переливчато-алая парча, затканная золотистыми узорами.

Это платье она получила от отца прошлой осенью, как часть ее доли с неучтенного дохода от земель матери. Может быть, платье наложницы Яко тоже было подарком от семьи? Ей хотелось в это верить, но сердце подсказывало, что оно – тайный подарок мужа. Если это так, то заказал он его еще перед отъездом. Или он уже прибыл в город и развлекается в доме очередной особы, и таким образом напоминает ей о себе? Тогда ещё непонятно: подарок это или издевка? На какие же средства он справил такую дорогую вещь, о которой все шепчутся?

Сами собой в её голове всплыли финансовые отчёты за последний год. Муж тратил больше, чем приносил в семью. Одна только его последняя блажь – лакированная китайская ширма с фривольными картинками – обошлась хозяйству в четыре быка. А ведь как он тогда ловко все устроил, в нужный момент уехав из дома: ей пришлось самой принять и

увидеть это непотребство, да еще самой и расплатиться за неё.

Вспомнив вдруг об этой проклятой ширме, она решила навестить мужскую половину усадьбы и осмотреть ее – давно она там не была. И время было вполне удачным: хозяйна Южных Покоев дома нет и, значит, она полная хозяйка всех дворов. Она даже не стала сверять свой план с императорским Календарем Благополучных Направлений. Главное – не это, главное – отвлечь управляющего и его приспешников, чтобы они не встали у неё на пути.

Пока служанка О одевала её и наносила белила и краску на лицо, Саконэ разъяснила ей, что следует делать. Та, к своим сорока годам уже немало пережившая и повидавшая, ничуть не смутилась заданию. Она была так рада, что её госпожа выбралась из затяжной хандры и взялась за дела, что согласилась бы остричь свои волосы, попроси та её об этом. Тем более – ради дела.

Как только слуги унесли остатки завтрака, Саконэ умыла руки, поправила макияж и одежды и перебралась на южную террасу. Оттуда открывался вид на её внутренний двор. Служанки приподняли верхние шторы террасы, и косые струи дождя били по лужам на полу. Но эта неуютная обстановка её не спугнула – впервые за почти пять лун, минувших с момента выкидыша, Саконэ увидела Внутренний Двор. Он уже давно проснулся. С десятков слуг, прикрываясь кто руками,

кто веерами, а те, что поосторожнее – укрывшись соломенными накидками, шныряли туда-сюда по своим неотложным делам, которых с утра неуворот во всякой усадьбе в любую погоду.

Она попыталась разглядеть под накидками лица слуг и угадать кто-чем занят. Вон ту, очень крупную дородную рабыню, с огромной корзиной на спине и с подоткнутой юбкой и узнавать-то не нужно было – рабыня Лулулу. Её все так звали, потому что она могла произнести только эти звуки: «лу-лу-лу». Менялся лишь тон: каким тоном пролулукает – такое к тебе и отношение. Эта дородная крепкая рабыня была её человеком. Она выкупила её у дровосека для тяжелой работы, а потом, когда служанка О нашла к ней подход, она стала незаменимой для «особых» поручений. Что сейчас в её корзине?

Саконэ проводила её взглядом и перевела взгляд на угрюмую птичницу Ку, которая стояла под воротным навесом скрестив на груди руки. Зачем она пришла с Хозяйственного двора? Кого-то ищет? Вот к ней-то пришлось долго подбирать ключики. Куры и утки – существа взбалмошные. Предсказать, а тем более, просчитать доход с них – дело почти невозможное. Особенно, когда у птичницы подвешен язык для тысячи объяснений и оправданий: начиная с «линьки», кончая «испугом» и «не тем кормом». Но она узнала-таки её слабое место – сын главного конюшего. Вот эти-то вожжи она и взяла в руки! Все браки слуг и работников в поме-

стве могут состояться только после одобрения Главной жены. Об этом она осторожно и напомнила птичнице, когда та не смогла вразумительно объяснить ей, куда в конце месяца пропали аж шесть десятков яиц. Неужели придется снова до полудня самой несколько раз обходить вонючие курятники?

Пока она разглядывала и раздумывала, служанка О уже успела перебежать через двор и сейчас что-то со строгим недовольным видом выговаривала дворовым работникам, тыча сложенным веером в одного из них – трусоватого садовника Бу. Те, даже не пытаясь её понять, отмахивались и кивали в сторону домика управляющего, расположенного в западной части двора. Там же располагались амбары, склады и сараи. Она улыбнулась, наблюдая, как слуги быстро разбежались по укромным углам, как только служанка с деланной сердитостью и деловитостью направилась к домику управляющего.

Время пришло – дорога на мужскую половину Двора открылась!